

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.16>

Амиралиев Семетей Манасович, Кожоева Гулжамал Жайлообаевна

**РОЛЬ СИНГАРМОНИЗМА В УВЕЛИЧЕНИИ ФОНЕТИЧЕСКИХ РАСХОЖДЕНИЙ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ТОЖДЕСТВЕННЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО И
КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В статье сравниваются отдельные факты китайского и киргизского языков в рамках ностратики и теории языковых контактов. В ней раскрывается специфика гармонии звуков в киргизском слове. Сингармонизм определяется как один из продуктивных способов звукового видоизменения китайских слогов на почве киргизского языка. Показано взаимодействие сингармонизма с другими фонетическими процессами и закономерностями (компрессия, протеза, диереза, эпентеза, чередование и т.д.), что приводит родственные или тесно контактировавшие в древности языки к дивергенции, отдалению друг от друга и возникновению различных расхождений в их фонетическом строе. Выявлены основные пути и способы трансформации разнородных китайских слогов под воздействием формулы САСА(С) в киргизском языке, требующей единообразия звукового облика слова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 2. С. 292-297. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 800(075.8)

Дата поступления рукописи: 17.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.16>

В статье сравниваются отдельные факты китайского и киргизского языков в рамках ностратики и теории языковых контактов. В ней раскрывается специфика гармонии звуков в киргизском слове. Сингармонизм определяется как один из продуктивных способов звукового видоизменения китайских слогов на почве киргизского языка. Показано взаимодействие сингармонизма с другими фонетическими процессами и закономерностями (компрессия, протеза, диереза, эпентеза, чередование и т.д.), что приводит родственные или тесно контактировавшие в древности языки к дивергенции, отдалению друг от друга и возникновению различных расхождений в их фонетическом строе. Выявлены основные пути и способы трансформации разнородных китайских слогов под воздействием формулы САСА(С) в киргизском языке, требующей единообразия звукового облика слова.

Ключевые слова и фразы: сингармонизм; взаимодействие языков; ностратика; дивергенция; фонетические процессы; китайский язык (ханью); киргизский язык.

Амиралиев Семетей Манасович, к. филол. н., доцент

Кожоева Гулжамал Жайлообаевна, к. филол. н., доцент

Ошский государственный университет, Киргизская Республика

sem.87.90@mail.ru; gulkirgyz@mail.ru

РОЛЬ СИНГАРМОНИЗМА В УВЕЛИЧЕНИИ ФОНЕТИЧЕСКИХ РАСХОЖДЕНИЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ТОЖДЕСТВЕННЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО И КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Термин сингармонизм, как известно, имеет греческое происхождение. Он состоит из префикса *syn* «вместе» и слова *harmonia* «созвучие». С его помощью обозначается морфонологическое явление, состоящее в единообразном вокалическом (иногда консонантном) оформлении слова как морфологической единицы.

В языках, где действует закон сингармонизма, в структуре слова особую значимость приобретает корень как независимый доминирующий компонент, который предопределяет фонетический облик последующих аффиксов как зависимых компонентов слова. Сингармонизм приводит к единообразию звучания слов в языке. По тому, какой фонологический признак является основой сингармонизма, различаются: 1) тембровый сингармонизм (по признаку ряда); 2) лабиальный сингармонизм (по огубленности); 3) компактный сингармонизм (по подъему или раствору). Иногда встречаются случаи совмещения двух типов сингармонизма – тембрового и лабиального.

Сингармонизм присущ главным образом агглютинативным языкам, где он обеспечивает целостность и отдельность словоформы, действуя как «цементирующее» средство, и в этой функции он соотносится с ударением в индоевропейских языках [5, с. 51; 6, с. 25-27].

В киргизском языке в употреблении гласных в соседних слогах и в составе слова в целом существует строгое ограничение по признаку их палатальности (ряда), широкости и лабиальности. Эти ограничения носят последовательный, твердый характер и представляют собой специфический закон, обеспечивающий созвучие любого киргизского слова. Палатальная (небная) гармония гласных универсальна, не терпит исключений, оказывая влияние на произношение соседних согласных звуков, приспособляя их к своему звучанию. Так, сравнивая примеры *келгендерге* «тем, которые пришли» и *көргөндөргө* «тем, которые увидели», можем сказать, что корневые морфемы *кел-* «прийти» и *көр-* «увидеть» уподобляют себе звучание всех трех аффиксов по признакам переднерядности, узкости, лабиальности/нелабиальности, в отличие от примеров *калгандарга* «тем, которые остались» и *болгондорго* «тем, которые были/присутствовали», где аффиксальные морфемы обладают признаками переднерядности, широкости и лабиальности/нелабиальности. Необходимо отметить, что согласные звуки в последних двух примерах произносятся твердо, имеют самостоятельный фонологический статус, противопоставляясь согласным первых двух слов. Гармония гласных в киргизском языке вызывает соответствующие изменения в артикуляции согласных в пределах данного слова. По закону сингармонизма в одном слове могут быть или гласные только переднего, или заднего ряда, отсюда согласные в каждом слове должны быть или только мягкими, или только твердыми. Таким образом, в составе слова гармонируют по признаку палатализованности не только гласные, но и согласные.

В киргизском языке сингармонизм представляет собой полную прогрессивную ассимиляцию и обуславливает созвучие гласных и согласных по всей длине состава слова. На этом основании можем считать, что этот закон носит комбинированный характер и определяет фонетический облик киргизского слова в целом.

Актуальность темы данной статьи состоит в том, что сравнительное изучение фактов китайского и киргизского языков, находясь на стадии становления, нуждается в детальном рассмотрении отдельных сторон, аспектов и уровней их системы. Новизной работы является определение роли сингармонизма в увеличении расхождений звукового облика слов в отдаленно-родственных языках. В связи с этим возникла необходимость произвести сравнительный анализ киргизских лексических единиц, являющихся эквивалентами различных китайских корневых морфем и получивших единообразное звучание под действием закона сингармонизма. В качестве примера мы взяли формулу САСА(С), под которую подводится ряд киргизских слов, представляющих собою эквиваленты несингармоничных слогов китайского языка (где С – согласные звуки, А – символ гласного звука *a*). Данная формула используется в двух вариантах – с конечным согласным звуком и без него, т.е. САСАС и САСА. Первый тип имеет вариант в виде САСЫС. В статье использованы материалы из «Китайско-русского словаря» [7] и книги К. З. Зулпукарова «Введение в китайско-киргизское языкознание» [3]. В статье приводятся дополнительные факты китайского и киргизского языков в рамках гипотезы об этногенетических связях алтайских и сино-тибетских языковых семей [1, с. 279-283; 2, с. 34-37; 3, с. 18-117] и устанавливается этимологическая тождественность в них ряда корневых морфем. В ней рассматриваются только некоторые примеры, демонстрирующие действие закона гармонии звуков в киргизском языке и являющиеся соответствиями китайских слов различного фонетического строения.

По модели САСА построена киргизская лексема *талаа* «степь, поле, долина», которая допускает сравнение с китайскими слогами: *tǔ/dú* «земля, пахотная (обрабатываемая) земля, почва, земельный, аграрный; пыль, глина; земляной, глиняный, глинобитный, необожженный; равнина, низина, деревня, деревенский» и *liáo* «отдаленная/далекая пустыня, пустота; пустынный, пустой, пустота». В реконструируемом для праязыка словосочетании *tǔ/dú + liáo* произошла двусторонняя ассимиляция гласных: срединный компонент трифтонга *iao* уподобил себе как препозитивный, так и постпозитивный компоненты, а также гласный первого слога. При этом трифтонг превращается в долгий гласный звук. Словосочетание *куу талаа* «сухая степь, пустыня» имеет определение, соотносительное с китайскими слогами *gǎo* «сухой, высохший, сушеный, высухать, засыхать», *kū* «высохший на корню, увядший, пожухлый, пересохший, иссякший; голый, мертвый, запущенный, покинутый; высохнуть, пересохнуть, иссякнуть; сухостой, высохшее на корню дерево».

В Кара-Кульджинском районе Киргизской Республики есть местность под названием *Ылай-Талаа*. Определительное слово *ылай* возводимо к китайскому слогу *lái* «поле под парком, невозделанное поле, запущенная земля, невыполотое поле; сорняки, сорная трава, полоть сорняки, выпалывать сорные травы» [3, с. 101]. Известно, что до коллективизации в 30-е годы XX в. поле пустовало, потом после укрупнения сел стало центром колхоза имени Карла Маркса и одноименного сельсовета. После развала колхоза поле не обрабатывается и сплошь заросло сорняком-васильком горьким, обладающим минимальной кормовой ценностью. Народная этимология слова *ылай* «грязь, тина» не согласуется с лингвистическим пониманием его происхождения.

Под формулу САСА(С) можно подвести и киргизское слово *жалаа* «клевета, хула» [8, с. 13], части которого соотносимы со слогами *zhè/shè* «бояться, страшиться, пугаться; пугать, угрожать, запугивать» и *lào* «говорить, болтать» в китайском языке. В данном случае первый компонент дифтонга в слове *lào* ассимилировал себе как второй компонент, так и гласный предыдущего слога.

К вышеприведенной формуле подходит киргизский эквивалент китайского слога *xiáo/xué* [сiao/cue] «учиться, обучаться, изучать, познавать (науки), овладевать (знаниями), осваивать (дело); обучать, учить, наставлять; наука, учение, звание, ученость, образованность; школа, школьные занятия, лекции, уроки, школа, училище, учебное заведение; ученый научный деятель, учащийся, студент»: *сабак* «урок, учеба, школьные занятия, лекции», *сабак бышыруу* «готовить урок, готовиться к уроку, учиться», *узун сабак* «длинный разговор, длительная беседа»; *сабат* «грамота, грамотность, обладание умением читать и писать», *сабаттуу* «грамотный, умеющий читать и писать, образованный, начитанный». Конечные согласные *-к* и *-т*, на наш взгляд, отражают действие процесса эпитезы, приведшей к увеличению объема знака с конца.

К формуле САСАС подходит киргизское слово *кайран* «(при соболезновании) милый, дорогой, горемычный, бедный», соотносимое с двумя китайскими слогами: *kǎi* «печалиться, вздыхать, скорбеть, возмущаться, негодовать» и *rén* «человеколюбие, гуманность, доброта, человечность, благожелательное отношение к людям; сострадание, милосердие, благотворительность, филантропия; гуманист, добрый человек, филантроп, человек с большой буквы, добродетельный человек; гуманный, человеколюбивый, добрый, милосердный, человеческий, добродетельный; гуманно относиться к, любить» [7, с. 750], которые имеют сходные с ними корни в киргизском языке: 1) *кай-* в словах: *кайгы* «печаль, горе, скорбь», *кайгырт-/кайгыртуу* «заставить печалиться», *кайгыр-/кайгыруу* «печалиться, горевать, скорбеть»; *кейи-/кейүү* «горевать, огорчаться, сетовать» и 2) *эрен* «человек, гражданин, мужчина, мужик». Сочетание двух киргизских корней мы обнаруживаем в слове *кайран* «(при соболезновании) милый, дорогой, горемычный, бедный», которое в древности могло звучать примерно как китайское слово *kǎirén* «печально, тяжело», имеющее близкое (сходное) с киргизским аналогом значение. Необходимо отметить, что в современном китайском языке слог *rén* произносится по-другому в виде [жень], то есть слово *kǎirén* произносится как *кайжэнь*. Киргизское слово *эрен* сохранило древнейший фонетический облик китайского слова *rén* [рень], имея протетический звук перед труднопроизносимым дрожащим согласным. А современное произношение этого слова в виде *жень* является результатом утраты китайским языком начального *p-* и его замены звуком *ж-* [9, с. 27]. Такая трансформация начального звука способствовало возникновению в киргизском языке слова *жан* «душа, человек, любимый человек», *алтын жан* «золотая душа», *кайран жан* «милая душа, бедная душа»; *жан дили менен* «всей душой, от души», *жан кошуу* «слиться душой», *жан беруу* «оживить, дать жизнь; умереть» и др. Таким образом, мы считаем этимологически идентичными киргизские слова *эрен* и *жан*, соответствующие китайскому слогу *rén* в древнем и современном произношении.

В этом контексте представляется убедительной этимологическая связь киргизского слова *кайран* «(при соболезновании) милый, дорогой, горемычный, бедный» и китайского слога *kāirén* «печально, тяжело». Первый компонент китайского дифтонга *ái* уподобил себе гласный второго слога, имевший признаки переднерядности и узкости, и преобразовал слово *kāirén* в слово *кайран* в рамках формулы САСАС.

Китайский слог *уōи* «мягкий, ласковый, добрый, сердечный, теплый; великодушный, радушный, умиротворенный, миролюбивый; короткий, нерешительный, колеблющийся; превосходный, отличный, лучший, отменный, прекрасный, великолепный, доброкачественный, превосходный, преимущественный, более чем достаточный, обильный, богатый, изобильный, достаточный, полный, избыточный, зажиточный, щедрый; много, достаточно, в изобилии, с избытком, вполне» присутствует в составе слова *уōудàи* со значением «хорошо обходиться, любезно общаться с, радушно (гостеприимно, сердечно) встречать (ухаживать); теплый прием, сердечное обращение, гостеприимство; давать льготы, оказывать помощь, льгота, преимущество», в котором второй слог имеет качественно-сравнительное значение и с которым можно отождествить киргизское слово *жагдай* «условие, положение, обстоятельства», имеющее фонетическое сходство и семантическую близость с ним.

По происхождению может быть китайским и евразийское слово *баян* «рассказ, повествование», которое встречается в каракалпакском, казахском, узбекском и других языках. Его структура прозрачна с точки зрения китайского языка, где *bǎo* «драгоценность, сокровища, ценность, реликвия; ценная вещь, клад; драгоценный, ценный» и 1) *yǎn* «слово, говорить»; 2) *yán* «речь, язык, слова, разговор; слово, слог, речение, фраза; говорить о, произносить слова (речь) о, вести беседу о, рассуждать о; вести обсуждение (дебаты), дебатировать; описывать, обрисовывать»; 3) *yàn* «поговорка, изречение, прибаутка» [4, с. 801]. В качестве эквивалента последних китайских слогов служит киргизский формант *-йан*, который в сочетании с формантом *ба-*, восходящим к китайскому слогу *báo* «ценный, чудесный, прекрасный...», мог образовать слово *баян* «рассказ, повествование, разговор, беседа, описание»: *bǎo* + *yǎn* = *баян*. Ср. также *bǎojiàn* «народное сказание». Есть основание считать, что в данном случае мы имеем дело с особым фонетическим процессом – выпадением второго компонента дифтонга в первом слоге. В результате сложное по происхождению слово, считающееся простым в киргизском языковом сознании, получило фонетический облик в виде САСАС.

Киргизское слово *жаша-* «жить, проживать, обитать» построено по той же модели и является одной из рефлексий пракорня, сохранившегося на китайской почве в виде лексем *jūshì* «жилье, жилое помещение, жить семьей (о супругах)» и *jūzhù* «проживать».

Среди киргизских слов, относящихся к сфере торговли, немало таких, которые подвоятся под названную выше формулу. Китайский слог *chào* передает значения «деньги, бумажные деньги, ассигнации, кредитки, банкноты; расписка, квитанция». Из них только первое представляет собой начальное значение, а остальные, конечно, появились позднее. Номинант этих значений представлен в киргизском языке словом *чака* «мелкая медная монета, полушка; гроши, деньжонки», в котором отмечается вставка звука *к* в результате преобразования дифтонга в монофтонги и превращение губного компонента дифтонга в звук *а* под влиянием предшествующего компонента: *ào*=*ака*. С рассматриваемым словом входит в одну тематическую группу и киргизское слово *акча* «деньги» в пределах приведенной выше формулы. Оно, на наш взгляд, состоит из двух компонентов: *ак* «белый, белоснежный, чистый» и *ча* «деньги» и допускает сравнение со слогами: *ái* «белый, белоснежный, чистый» и *chāo* «бумажные деньги, деньги, ассигнации, кредитки, банкноты, расписка, квитанция». Что касается чередования *к/и*, то имеются аналогичные примеры: киргизское *накь* «груша» (в говорах) и китайское *nǎi* «груша (с твердой кожей)», киргизское *сук* (миф.) «злое существо, дьявол в образе женщины, живущий в воде; завистливый, завистник, жадный, зависть, жадность» и китайское *sù* «нечистая сила, дьявол, наваждение, проклятие, напасть, зло, творить зло (наваждение)». Эти аналоги позволяют нам восстановить древнейшее состояние названия денег в виде **ак+ча*. В результате действия закона открытого слога в ханью первый компонент этой праформы превратился в слог *ái*, а гласный второго слога – в дифтонг.

В целом ряде случаев киргизский язык трансформирует китайские слова в двух вариантах, один из которых подходит к рассматриваемой формуле, а другой оформляется по иной модели. Например, два киргизских слова *дубан* «уезд, округ» и *дабан* «горный перевал, конечные пределы равнин» имеют несовпадающую звуковую структуру, но соответствующую китайской лексеме *duān* «конец, верхушка, оконечность, конечный, предел, край; начало, основа, исток». Известно, что слово *дабан/давань* было китайским названием государства в Ферганской долине, существовавшего в первом тысячелетии до н.э. Для китайцев, конечно, этот регион был отдаленным и представлял собой конечный предел их политического, торгового и культурного сотрудничества.

К формуле САСАС подходит киргизское слово *чалап* «питье, полученное путем разбавления кислого молока водой», слоги которого, вероятно, состоят из сочетания *jiǎo/chā* «мешать, подмешивать» + *luò/lào* «айран, кумыс». Нам представляется, что слияние этих двух слогов могло образовать одно слово, подвергаясь при этом нескольким звуковым изменениям: во-первых, три слога с дифтонгами преобразованы в слоги без дифтонгов; во-вторых, второй вариант первого слога использован без фонетических изменений; в-третьих, дифтонги второго слога трансформированы в закрытый слог. К последнему случаю можно привести ряд аналогов: 1) *шан* «ладонь, пальцы, рука» – *shǒu* «рука, кисть руки, ладонь, рабочие руки, рука помощи»; 2) *кооп* «страх, боязнь, подозрение, сомнение» – *huò* «сомневаться, предаваться сомнениям, подозревать, тревожиться, предаваться заботам (тревогам), вводить в заблуждение, вызывать сомнения, дурачить, смущать, сеять смуту среди; сомнение, подозрение»; 3) *тон* «группа, много, множество, число, количество, комплект, набор» – *tāo* «собирать, собранный, накапливать, накопленный; сходиться, собираться», *tào* «комплект, набор, комплектный, составляющий набор» и т.д.

К формуле САСАС подходит киргизское слово *каблан/кабылан* «леопард, тигр, пантера; большие тигроподобные звери, богатырь, тигроподобный богатырь». С ним сравнивается узбекское слово *коплон* «барс, леопард». С точки зрения китайского языка слово *каблан/кабылан/коплон* состоит из двух компонентов. В ханью есть слоги *hǔ* «тигр; храбрый, отважный, мужественный; свирепый, жестокий; принять свирепый вид» и *láng/lǎng/làng* «хищный зверь, хищник; волк, волчий, по-волчьи; (пек. диал.) похитить, стащить, стянуть, украсть». Их сочетание могло образовать синтагму *hǔ + láng/lǎng/làng*, которая, преобразуясь и адаптируясь к киргизской артикуляции, получила, вероятно, фонетический облик, соответствующий рассматриваемой формуле. Возникновение варианта *кабылан* легко мотивируется: его первая часть в древности могла быть закрытым слогом типа *kap-* «кусаться, укусить (о собаке), грызть, хватать, брать (руками, лапами), хватать ртом, зубами», который на китайской почве превратился в открытый (*kap > hu*), а звук *ы* между двумя корневыми морфемами, кажется, появился в результате эпентезы.

В ряде случаев примеры, подчиняющиеся формуле САСАС, возникают не путем слогосложений (сочетаний корневых морфем), а в результате фонетического преобразования дифтонга в монофтонги. Нам уже известно, что китайский дифтонг *ya* на киргизской почве переходит на *ба/на/уба...*, что мы обнаруживаем, сравнивая китайские слоги *juàn/quiān/quiàn* «загон, хлев, вольер, клетка», *jiān* «запереть в, загнать в, заточить в» с киргизской лексемой *жабан* «тумбочка с замком», встречающейся в южных говорах языка. Первая часть этой лексемы мы сравниваем с глаголом *жап-/жабуу* «крыть, покрывать, закрывать, затворять, запира-ть», *жаап салды* «совсем запер»; *жаап-жашыруу* «скрывать, прикрывать». Закрытый слог *жап-* и в данном случае соответствует первой части приведенных выше китайских слогов (*ju/qu*), которая в древности могло иметь значение «закрывать, запереть».

Сравнивая китайскую лексему *cānkāo* «наводить справки, справляться (по документам), сверять, удостоверяться; материал, справочные данные, справка, справочный, вспомогательный» и киргизское слово *санак* «счет, учет, подсчет, статистика», можем говорить об идентичности их происхождения. Действительно, китайский слог *cān-* фонетически очень напоминает киргизское *сан-*, имея близкое значение. Различие сравниваемых слов заключено в их конечной части. Отметим наличие метатезы *kāo – ak*, которая проявляется в перестановке согласной и гласной частей слога и тоже подтверждает этимологическую тождественность сравниваемых слов. Только второй компонент финального дифтонга составляет специфику китайского слова.

В некоторых случаях мы обнаруживаем параллельное действие формул САСА/САСАС. Китайский слог *yù* «тюрьма, место заключения, судебный процесс, тяжба, уголовное дело, приговор, судебное решение (определение), уголовное законодательство; судиться, отвечать по судебному делу; приговаривать, определять (меру наказания)» входит в состав лексемы *yùzǐ* «тюремщик, тюремный стражник». Ее киргизский эквивалент *жаза* «наказание, кара, возмездие» (*жаза тартуу* «получить наказание, понести наказание», *жазалоо* «наказывать, карать; наказание, кара») построен по формуле САСА и сходен со словами *йаса-/йаза-/жаса-/жаза-/чаза-* в тюркских языках со значением «приводить в порядок, определять, устанавливать, строить, созидать, исправлять, чинить». Из этой глагольной основы образовано субстантивное слово с трансформами *йасак* (тур., караим., кумык., ног., тат.), *жасак* (кирг., балк., казах.), *жасак* (телеут.), *ясак* (узб.) и т.д. в значении «уложение, закон, право, постановление, соглашение; подать, дань, оброк, налог; наказание, штраф, приговорение к смерти, согласно закону» [8, с. 150-152], подводимое под формулу САСАС. Существующее предположение об арабском происхождении слова *жаза*, конечно, нуждается в аргументации, поскольку это слово встречается и в монгольских языках (в монгольском классическом, калмыцком и т.д.).

Аналогичен звуковой облик киргизского слова *майса* «всходы, росток», которое встречается в южных говорах. Его фонетическая структура мотивирована китайскими корневыми морфемами *miáo* «всходы, росток» + *cǎo* «трава, сено, соломка, травяной, травянистый, соломенный, камышовый; заросли горных трав; срезать траву, косить». В китайских слогах имеют место трифтонг и дифтонг, а в киргизских слогах – только монофтонг. Под влиянием элемента *a* в дифтонге и трифтонге прочие их компоненты лишились прежнего звучания и получили фонетический облик в виде САСА. Иногда киргизские слова получают такую звуковую структуру в результате наращивания в конечной части слова. Например, китайское *dān* «простой (в противоположность сложному), отдельный, одинокий, одиночный, единичный, один; в одиночку, в отдельности; малочисленный, мало, исчерпаться, исчерпать», имеющее звуковой облик формулы САС, на киргизской почве допускает появление дополнительного звука *-a*: *даана* «известный, простой, четкий, отчетливый, разборчивый», *даанала-/дааналоо* «делать четко, отчетливо; объяснить доступно, говорить просто, точно, понятно», *дааналык* «известность, простота, четкость, отчетливость, ясность, разборчивость». Слово *даана* оформлено по требованию модели САСА. Распространенное предположение об иранском происхождении этого слова, следовательно, нуждается в обосновании. Его можно было бы принять в случае отсутствия аналога в ханью.

Китайское *miǎo* «маленький, мелкий, мельчайший, ничтожный, тонкий, нежный, тончайший, глубочайший, сокровенный, таинственный» служит эквивалентом киргизского *май-* и в слове *майда* «мелкий, мельчайший, мелочи; маленький». Второй слог киргизской лексемы очень напоминает ханьюское *dā* «пачка, связка, стопка, ряд, полоса, прядь, струя». Следовательно, мы утверждаем, что сложение китайских слогов *miǎo* и *dā* образовало на киргизской почве слово *майда*, подводимое под формулу САСА. Есть основание считать, что финальная часть первого слога киргизской лексемы возникла в результате преобразования трифтонга в монофтонги, т.е. *miǎo > май*. В этом преобразовании отмечается выпадение конечного губного элемента трифтонга и пермутация *iy x ay*.

Сказанное, однако, не означает, что киргизский сингармонизм меняет фонетический облик всех китайских слогов. В этих языках встречаются примеры с совершенно идентичной звуковой структурой. Например, киргизское *тапан/таман* «ступня, подошва» очень сходно с китайской лексемой *tābān* «подножка,

педаль, скамеечка для ног», где второй слог *bǎn* употребляется отдельно, выражая значение «доска, дощечка». Данный пример не является исключительным, так как в сравниваемых языках есть еще слова, имеющие сходный фонетический облик.

Вероятное сочетание китайских слогов *tài* «просторный, великий, огромный, необъятный; мирный, спокойный, безмятежный, процветающий; быть в мире, пребывать в спокойствии; чрезмерно огромный, роскошный, щедрый; чересчур, слишком, чрезмерно; сливаться в гармонии, роскошествовать» и *pang* «большой, широкий, щедрый; внешность, лицо, облик» имеет соответствие в киргизском языке: *тайпак/тайпаң* «широкий, пространственный, просторный, ровный, плоский, расплоснутый», ср. *тайпак жер* «ровная, плоская местность, такая поверхность земли», *тайпагай жылга* «широкая впадина». Чередование *к/ң* весьма распространено в китайско-киргизских словах: 1) *дак* (южн.) «горячий», ср. узб. *дог* «сильно нагретый, доведенный до кипения (о масле, сале)» – *tāng* «кипящая (горячая) вода, кипятки»; 2) *так* «трон, престол, дворец (правителя)» – *tíng/díng* «трон, двор (императорского дворца), дворец (императора), место собрания (сановников при дворе), царствующий двор, императорский двор»; 3) *так* «точный, правильный, четкий, определенный, как раз» – *tíng/díng* «правильный, ровный, справедливый»; 4) *тик* «прямой, отвесный, вертикальный» – *tíng/díng* «прямой» и т.д. Эти примеры свидетельствуют о распространенности чередования *-к/-ң* в конечной части этимологически идентичных слов сравниваемых языков.

Китайский слог *kāng* «поднять, водрузить, превозносить, восхвалять» входит в состав слова *kāngkǎi* «приподнятый, воодушевленный, возбужденный, возмущенный, щедрый, великодушный, широкий» и имеет тождественный эквивалент в киргизском языке *каң-* в словах: *каңкай/каңкый* «огромный, большой, высокий», *каңкайган капчыгай* «ущелье с высокими отвесными скалами», *каңкайган кулпу* «огромный замок», *каңкайган боз ат* «здоровенная серая лошадь (не жирная)». Видно, что китайско-киргизское *kāngkǎi/каңкай* является этимологически идентичным и подчиняется формуле САСАС. Киргизский язык допускает варианты САСАС/САСЫС.

Китайский слог *kāng* «сопротивляться, противиться, давать отбор, обороняться, противостоять, состязаться, протестовать, возражать» составляет первую часть слова *kàngyì* «протест, заявлять протест», которое очень напоминает киргизское слово *каңгай* (боевой клич калмыков в эпосе), ср. *каңгайлап калмак тийишти* «калмыки напали с криком *каңгай*». Отметим не монгольское, а китайское происхождение данного слова. В данном случае мы можем говорить о том, что гласный первого слога китайского слова ассимилировал себе гласный второго слога, что приспособило заимствованное слово к требованию модели САСАС. Киргизы приписывают к кличу агрессивный смысл. А на самом деле он используется как призыв к сопротивлению.

Мы имеем все основания сблизить киргизское слово *шайтан* «сатана, черт, злой дух, привидение» с вероятным сочетанием двух китайских слогов с мифологической семантикой: *shā* «злой дух, демон, привидение, страшный» и *dàn* «соблазнять, заманивать, приманивать». Китайский язык убедительно мотивирует семантическую структуру киргизского слова, обычно считающегося семитской лексемой. На этом основании мы сомневаемся в достоверности мнения об арабском происхождении слова.

Под формулу САСАС подводится киргизское диалектное слово *начай/начайы* «худой, тощий, слабый», семантическую структуру которого хорошо мотивируют два слога в ханью: *ná* «считать за, рассматривать в качестве» и *chái* «худой, тощий, истощенный, иссохший, нежирный». Китайские слоги выражают значения, близкие к смысловому содержанию киргизского слова, но, в отличие от последнего, носят процессуальный характер.

Есть основание считать, что комбинация китайских слогов *chǎo* «шуметь, кричать, скандалить, ссориться, браниться, препираться» и *tǎo* «нападать, карать, поражать» могла послужить базой образования двух киргизских лексем с негативно-эмоциональной семантикой: *чатак* «ссора, склока, конфликт», *чата* «вздорный, вспыльчивый, непослушный, беспокойный (о человеке), неприрученный, не позволяющий доения и езды (о животном)». Мы считаем, что китайскому слогу *chǎo* в обоих случаях соответствует киргизское *ча-*, гласный звук которого является эквивалентом китайского дифтонга. А в случае *tǎo* = *так/та* китайский дифтонг преобразован в звуко сочетание *ак* и звук *а*. В киргизско-китайских соответствиях встречаются аналоги: киргизское *куу/как* «сухой, высохший, безжизненный, безлюдный, бесплодный» – китайское *kāo* «жарить, поджаривать, печь (на огне), жареный, печеный», *kū* «высохший на корню, увядший, пересохший, иссякший; высохнуть, пересохнуть, сухостой»; киргизское *доо/док* «тяжба, иск, претензия, угроза» – китайское *dào* «грабитель, вор, хищение, воровство, грабить, похищать»; киргизское *тоо/так* «гора, вершина горы» – китайское *tóu* «голова человека, вершина, верхушка, верх» и др. И в этих примерах мы обнаруживаем факт трансформирования дифтонгов в монофтонги.

На основе вышеизложенного можно сделать некоторые выводы:

- 1) в сравниваемых языках имеется много общих слов, имеющих идентичное происхождение;
- 2) закон сингармонизма, действуя на почве киргизского языка, приводит к звуковому единообразию китайские слоги, обладающие фонетически дифференцируемым звуковым составом;
- 3) формула САСА(С), являясь одной из распространенных моделей гармонии звуков в киргизском языке, уподобляет различные дифтонги и гласные звуки китайских слогов, преобразуя их в гласный звук *а* по требованию формулы;
- 4) некоторые этимологически идентичные слова китайского и киргизского языков имеют звуковой облик, соответствующий рассматриваемой формуле;
- 5) впервые в синологии и тюркологии определена роль закона сингармонизма в увеличении расхождений звукового облика слов в отдаленно-родственных языках.

Список источников

1. Абдувалиев И. А. Об исходных положениях киргизско-китайской компаративистики // Вестник Ошского государственного университета. 2017. Специальный выпуск. С. 279-283.
2. Амиралиев С. М. О некоторых словарных общностях тюркских и китайского языков // Вестник Ошского государственного университета. 2017. Специальный выпуск. С. 34-37.
3. Зулпукаров К. З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. Бишкек: Бийиктик, 2016. 768 с.
4. Зулпукаров К. З. Смысловое строение киргизских слов, словосочетаний и предложений с точки зрения китайского языка // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи: сб. выступлений и статей / ред. колл.: К. Молдокасымов (пред.), М. Карыбаева и др. Бишкек: Турар, 2017. С. 793-803.
5. Зулпукаров К. З., Амиралиев С. М. Корреляция морфем и их алломорфов в родственных языках // Новая парадигма социально-гуманитарного знания: сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (29 декабря 2017 г.) / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород, 2018. С. 50-57.
6. Зулпукаров К. З., Атакулова М. А., Калмурзаева А. А., Айылчиева Д. Т., Джусупова А. А. Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка. Бишкек: Бийиктик, 2016. 728 с.
7. Китайско-русский словарь / гл. ред. Ся Чжунъи. М.: Вече, 2008. 1250 с.
8. Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Ж» и «Й». М.: Наука, 1989. 293 с.
9. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. 115 с.

**VOWEL HARMONY CONTRIBUTION TO PHONETIC DISCREPANCIES
BETWEEN ETYMOLOGICALLY IDENTICAL WORDS
(BY THE MATERIAL OF THE CHINESE AND KYRGYZ LANGUAGES)**

Amiraliyev Semetei Manasovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kozhoeva Gulzhamal Zhailoobaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Osh State University, the Kyrgyz Republic
sem.87.90@mail.ru; gulkyrgyz@mail.ru

The article compares certain phenomena of the Chinese and Kyrgyz languages within the framework of Nostratic linguistics and the theory of linguistic contacts. The authors discover the specificity of sound harmony in the Kyrgyz word. Vowel harmony is considered as a productive means for the acoustic modification of Chinese syllables on the basis of the Kyrgyz language. The paper describes the interaction of vowel harmony with other phonetic processes and principles (compression, prothesis, dieresis, epenthesis, alternation, etc.), which causes the divergence and separation of related or closely affiliated languages and contributes to discrepancies in their phonetic systems. The authors identify the basic means and ways to transform heterogeneous Chinese syllables in the Kyrgyz language according to the *CACA(C)* (*C* – consonants, *A* – symbol of the vowel ‘a’) formula, which presupposes the uniformity of the word’s acoustic image.

Key words and phrases: vowel harmony; interaction of languages; Nostratic linguistics; divergence; phonetic processes; Chinese language (Hanyu); Kyrgyz language.

УДК 81.42

Дата поступления рукописи: 10.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.17>

В данной статье рассматриваются наречия как средство выражения оценки в английском языке. Анализ проводится на материале современного англоязычного сериала. Исследование показало, что различные виды оценки могут выражаться в речи киногероев при помощи качественных наречий. Являясь средством передачи оценки в кинодиалоге, наречия участвуют в построении образа киногероев и передают сложность их характера и особенности менталитета. Оценка в наречиях актуализируется на лексическом (денотативном, коннотативном), синтаксическом и контекстуальном уровнях. А также наречия с оценочным компонентом значения являются важнейшим средством выражения оценочной прагматики в кинодискурсе.

Ключевые слова и фразы: качественные наречия; оценка; кинодискурс; кинодиалог; оценочный компонент; прагматика.

Белобородова Анна Валерьевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
Anya-Belka33en@mail.ru

**НАРЕЧИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СЕРИАЛА VICTORIA)**

Современное языкознание все чаще обращается к проблемам способов выражения оценки в языке. Категория оценки и оценочности рассматривается сегодня в рамках аксиологии, семиотики, прагматики и является дискуссионной и актуальной темой научных исследований лингвистов. Актуальность данной статьи обусловлена как повышенным интересом к изучению данной категории, так и сложностью установления границ оценочной семантики различных языковых единиц. Наше внимание сосредоточено на более частных вопросах